

И. А. Семухина, А. Ю. Любивая
Екатеринбург, Россия

БЕРЕНДЕЕВО ЦАРСТВО В «СНЕГУРОЧКЕ» А. Н. ОСТРОВСКОГО: ИСТОКИ ОБРАЗА

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются реальные и мифологические истоки образа Берендеева царства, ставшего основой художественного воплощения идеала свободного гармоничного общества в «весенней сказке» А. Н. Островского «Снегурочка». Сопоставлены различные предположения и выводы фольклористов, краеведов, этнографов, литературоведов, связанные с этимологией слова «берендеи». Приводятся легенды и предания города Переславль-Залесский (о царе Берендее, Берендеевом болоте, «каменной бабе» и др.), очевидно, повлиявшие на поэтический замысел драматурга.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мифология; русский фольклор; этимология; русская литература; русские писатели; сказки; литературное творчество.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Семухина Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: slawirsem@mail.ru.

Любивая Анастасия Юрьевна, выпускница Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: slawirsem@mail.ru.

I. A. Semukhina, A. Ju. Lubivaya
Ekaterinburg, Russia

THE KINGDOM OF BERENDEY IN A. N. OSTROVSKY'S «SNOW MAIDEN»: SOURCES OF AN IMAGE

ABSTRACT. Article considers real and mythological sources of an image of the Kingdom of Berendey which has become a basis of artistic realization of an ideal of free harmonious society in «the spring fairy tale» of A. N. Ostrovsky «Snow Maiden». Authors compare various assumptions and conclusions of specialists in folklore, local historians, ethnographers, literary critics connected with etymology of the word «berendei». Legends and legends of the city of Pereslavl-Zalesky (about the tsar Berendey, the Berendeey swamp, «stone image», etc.), obviously, affected a poetic plan of the playwright are presented.

KEYWORDS: mythology; Russian folklore; etymology; Russian literature;

Russian writers; fairy tales; literary work.

ABOUT THE AUTHORS: *Semukhina Irina Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Ural State Pedagogical University.*

Lubivaya Anastasia Jurevna, Graduate of the Institute of Philology, Cultural Studies and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University.

В драматургическом наследии А. Н. Островского «Снегурочка» (1873) заняла особое место, став своеобразным итогом творческих исканий писателя. В «весенней сказке» воплотились идеалы позднего периода творчества художника, его особая эстетическая концепция. А. Л. Штейн назвал пьесу русского драматурга чудом, поставив ее в один «ряд с такими поэтическими созданиями мирового театра, как комедии Шекспира и Аристофана» [Штейн 1973: 253]. Примечательно то, что сам А. Н. Островский, осмысляя специфику драматического искусства, обращался к опыту английского драматурга: «...интрига есть ложь, а дело поэта — истина. Счастлив Шекспир, который пользовался готовыми легендами: он не изобретал лжи, но в ложь сказки влагал правду жизни. Дело поэта не в том, чтобы выдумывать небывалую интригу, а в том, чтобы происшествие даже невероятное объяснить законами жизни» [Островский 1952: 321].

Оригинальность творения Островского обусловила исследовательскую полемику по вопросу жанрового своеобразия «весенней сказки», который остается актуальным и открытым по сей день: «стихотворная драма на сказочный сюжет» [Лотман 1989]; «романтическая мистерия» [Маньковский 2003]; «философско-символическая драма» [Чернец <http://>]; поэтическая утопия [Гаркави 1969; Лотман 1989; Соловьева 2000]; синтетичный жанр, соединяющий фантастичность феерии, символизм «пьесы-маски», иронию комедии и глубокое содержание народной сказки [Ревякин 1974].

Особую роль в изучении «Снегурочки» играет не теряющая актуальности работа А. Л. Штейна «Мастер русской драмы» (1973), в одном из «этюдов» которой исследователем рассматривается история создания сказки, значение фольклора в воплощении принципа народности как основы реализма драматурга: «Через фольклор проникает Островский и в народную жизнь, больше того, в народную жизнь доисторической эпохи, и в этом ему помогает и обряд, и песня, и поговорка, и народное красно-

речие» [Штейн 1973: 260]. По словам ученого, Островский «создает поэтический стиль, в котором фантастика и психологизм, комедийные и трагические мотивы, быт и поэтический обряд, типическое и индивидуальное составляют неповторимое единство» [Штейн 1973: 264]. Намеченные в XX столетии векторы постижения идейно-художественного своеобразия «весенней сказки» находят свое дальнейшее развитие и сегодня, в современных исследованиях [см., напр.: Леонова 2001; Бурдакова 2008].

В «Снегурочке» Островского основой художественного воплощения идеала совершенного общества, где царит гармония, счастье, свобода и равенство, стал образ Берендеева царства. История создания пьесы драматурга и истоки образа царства Берендея тесно связаны со славянским фольклором.

Легенда о Берендеевом царстве уходит корнями в историю и этнографию города Переславль-Залесский. Сегодня о берендеях напоминают лишь название железнодорожной станции Берендеево (по дороге из Москвы в Ярославль) и Берендеево болото, которое находится на юге Ярославской области между несколькими деревнями и занимает площадь более пяти тысяч гектаров. В словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона упоминается, что в этом болоте «Александровского уезда Владимирской губернии», длина которого «10 верст, ширина 4-5 вёрст», «есть следы жилья; по местному преданию, здесь был г. Берендеев, где жил царь Берендей» [Брокгауз, Ефрон 1891: 525].

Кто же такие берендеи? Слово «берендеи» имеет совсем не сказочное происхождение. Переславский краевед В. Ф. Воронов утверждает: «Недалеко от Переславля-Залесского, ближе к границе с Владимирской землей, видны остатки древнего жилья, признаки дубовых мостовых, окаменевших от времени, черепки глиняной посуды, обсеченные камни — и все это из года в год затягивается болотом. Ученые полагают, что здесь некогда стоял город Берендеев» [цит. по: Бакаев <http>]. Берендеями изначально считали кочевой народ тюркского происхождения, называвшийся в летописях то «торками», то «черными клобуками». О неустановленности этимологии названия этого малоизвестного народа писал и М. Фасмер: «берендеи — тюркское кочевое племя в Южной Руси, в 1097 г. заключившее союз с печенегами, в 1105 г. побежденное половцами и исчезнувшее в XIII в. <...> Это название еще не получило надежной этимологии» [Фасмер 1986: 155].

Нередко берендеев относили к простым разбойникам. Например, в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и

И. А. Ефрона читаем: «Первоначально, когда они были независимы, они занимались исключительно грабежами и набегами на Русь...». Но замечено, что с появлением половцев образ жизни берендеев значительно меняется: «Теснимые половцами, они отступают к южным пределам тогдашней Руси и испрашивают позволения поселиться на окраинах Переславского и Киевского княжеств с обязательством защищать их от набегов степняков. Русские князья не могли, конечно, не согласиться на такую даровую защиту их пограничных владений, и Б., поселившись в Поросье и Верхнем Побужье, мало-помалу привыкли к оседлости и к городской жизни <...> и по крайней мере в XII в. могут уже назыв. полуседлым народом» [Брокгауз, Ефрон 1891: 525].

К объяснению природы этого древнего народа обращается и В. И. Даль, толкуя слово «берендейка»: «берендейками» называли в торговле игрушки, людей, животных, которые вырезали из дерева «в Троицкой Лавре, в 50 верстах от села Берендеева». От этого слова образовалось слово «берендеить» — «берендейки строгать, заниматься пустяками, игрушками» [Даль 1981: 83]. Но более интересным представляется объяснение В. И. Далем слова «берендить» — «мешать, препятствовать, спорить, перечить». Именно данное значение могло повлиять на возникновение названия Берендеева царства, которое отличалось неуступчивостью и самостоятельностью.

А. М. Бакаев полагает, что в основе этого древнего топонима лежит слово «медведь» (бер) и «деять» (делать) — т. е. «бером деянные» («люди-медведи»). И, соответственно, тотемом данного славянского племени был медведь. Неслучайно Берендей зачастую толковался непосредственно как языческий бог, покровитель лесов, рек, родников [Бакаев [http](http://)].

Так или иначе, большинство исследователей сходится в том, что берендеи — это обособленное славянское поселение, оставившее о себе память не только в топониме, но и в красивых легендах и преданиях. Обратимся к некоторым из них, которые были собраны краеведами В. И. Лествициным, М. И. Смирновым, В. Ф. Вороновым, А. М. Бакаевым и др.

Краевед В. Ф. Воронов в очерке «Загадки царства Берендея» приводит тексты двух местных преданий. Первое из них рассказывает о появлении «каменной бабы», которая вот уже несколько столетий стоит на берегу болота в районе деревни Черницыно. Согласно преданию, это окаменевшая царица Рогнеда:

«Царь Берендей любил по вечерам на озеро ходить. Вечерние лучи солнца скользили по глади озера. Царь ждал, когда взойдет луна и зальет окрестность холодным призрачным светом. И вдруг Берендей услышал чарующую музыку. В расплескавшихся волнах увидел царь красавицу-русалку. Заманила она Берендея в подводное царство, и волны поглотили Берендея. Царица Рогнеда забеспокоилась, побежала к озеру, стала кликать супруга, но болото только ответило ей эхом: «Берендей! Дей-ей-ей!». Так и осталась она с маленьким сыном в тереме. Но тоска одолела царицу, и пошла она опять на озеро. Поженски всплакнула и запричитала: «Муженек ты мой ненаглядный! Что ж ты словечка жене своей сказать не хочешь?». От тоски и горя превратилась Рогнеда в каменное изваяние женщины, каких немало в степях на пути следования кочевых тюроков» [цит. по: Бакаев [http](#)].

Второе предание дает следующее представление о Берендее и связанных с ним событиях:

«На горе, где сейчас расположена деревня Давыдово, стоял в древности терем царя Берендея. Была у царя красивая дочка Маша. Когда она подросла, Берендей стал подумывать о ее выданье. Как-то раз приехали к царскому терему два богатыря-красавца, один краше другого. Машеньке понравился Иван-царевич, но Берендей невзлюбил его. Ему по нраву пришелся царевич Федор. Машенька не смогла противиться отцовской воле, тихо ушла на болото и бросилась в трясину. Иван-царевич с горя пошел на болото вслед за возлюбленной и покончил с собой на том же месте. Но царевич Федор любил Машеньку также горячо и преданно. Болотная трясина поглотила и Федора-царевича» [цит. по: Бакаев [http](#)].

Большое число сказаний связано с таинственным Берендеевым болотом. Особое место в народных преданиях занимает Волчья гора, по выражению В. Ф. Воронова — «самое унылое и страшное место на Берендеевом болоте». По одной из версий, здесь некогда «было большое поселение с бойкой торговлей» [цит. по: Бакаев [http](#)]. Поэтому на берегах Берендеева болота и возвышенности рядом с ним, Волчьей горе, многие пытались отыскать сокровища. И во время этих поисков в дремучем лесу обнаруживались хорошо утрамбованные площадки, мусорные и деревянные мостовые, свидетельствующие о древних поселениях. Поиском поселения на высокой горе исследователи заинтересовались еще в конце XVIII века. А в 1820 году сюда отпра-

вился Д. И. Хвостов и обнаружил здесь земляные укрепления древнего города.

Впоследствии, уже в XX веке, на этом болоте при разработке торфяника было открыто более 20-ти археологических памятников 10–5 тысячелетия до н. э. По свидетельству А. М. Бакаева, на месте Волчьей горы (которая стала археологическим памятником) археологи и краеведы обнаружили множество древних артефактов, культовых предметов с изображением славянских символов, зооморфные фигурки (в т. ч. изображение морды зверя, похожего на медведя), изображение человека. Все фигурки были найдены на окраине Волчьей горы, именно там, где местные жители чаще всего обозначали место нахождения «каменной бабы». Это привело к предположению, что «каменная баба» была центральной фигурой языческого капища одного из племен, которое и дало название огромному болоту — Берендеево.

Поэтому неслучайно предания о происхождении названия «Берендеево болото» тесно связаны не только с историями о берендеях, но и с историями о «каменной бабе». Краевед М. И. Смирнов записал воспоминания учительницы А. П. Лавровой одного из сел (Лаврово), расположенного на берегу Берендеева болота:

«Вдова Марья управляла здешним городом в незапамятные времена после царя Берендея, когда на месте болота было озеро. Горожане были народ буйный и справляться с ними было нелегко. Вся надежда была на подрастающего сына, в котором мать души не чаяла. Вот сын её стал подрастать и становиться помощником матери. Раз он пошёл на озеро купаться и утонул. Горю матери не было границ. Она поднимает на ноги всех рыбаков и снаряжает их ловить труп сына. Но напрасно. Поймать его не могли. Марья с горя проклинает озеро: «Чтоб тебя мохом подёрнуло», — сказала она, а в то время слово проклятия имело страшную силу. Озеро не по дням, а по часам начинает зарастать болотной травой, и вот в конце концов на месте озера получилось Берендеево болото. Но за это бог наказал вдову Марью. Лишь только она произнесла слова проклятия и озеро стало зарастать, сама превратилась в «каменную бабу». Сын её утопленник за грех матери мучается до сих пор; тело его не гниёт, а плавает под болотным покровом и старается выйти на поверхность земли. Для этого толкается в него головой, но напрасно. Слой болотной земли только поднимается и получа-

ются кочки. Вместе с этим утопленником такую же муку терпят убийцы царевича Дмитрия и все великие грешники. В болоте есть много «окон», каждый год появляются новые и всё на тех местах, где сидела в Иванову ночь (накануне Ивана Купала) нечисть поганая и думу думала, как бы люд крещёный донять и как бы вред ему причинить» [Смирнов 2004: 21].

Возникновение «весенней сказки» «Снегурочка» в творчестве Островского напрямую связано с его путешествием в имение Щельково, по дороге к которому драматург на несколько дней задержался в Переславле-Залесском. Там он изучал местный говор, фольклор, тогда же мог услышать и о Берендеевом болоте, легенды и предания о древнем народе. Обычаи, традиции местных жителей и природа края — все это повлияло на поэтический замысел драматурга. В результате Островский напишет о своем впечатлении о Щелькове: «Каждый пригорочек, каждая сосна, каждый изгиб речки — очаровательны, каждая мужицкая физиономия значительна <...> и всё это ждёт кисти, ждёт жизни от творческого духа. Здесь всё вопиёт о воспроизведении...».

В «Снегурочке» Островский не ставил перед собой задачи решения вопроса о конкретно-исторической форме социально-политического устройства совершенного государства. Жизнь царства берендеев показана автором с точки зрения народных представлений об идеальном обществе. С позиции народных идеалов драматург раскрывает основные истоки справедливой и счастливой жизни. В «весенней сказке» Островский дает эпическую картину жизни народа, его национальный характер, вводит философский подтекст, который придает содержанию сказки общечеловеческий смысл. Царь Берендей выступает не только хранителем мира-спокойствия, но и всего миропорядка. Законам мироустройства соответствуют строгие нравственные законы берендеевского бытия, отраженные в словах царя:

Чем же и свет стоит?
Правдой и совестью
Только и держится.

Опираясь в создании образа мира царства Берендея на народные традиции, обряды, предания, Островский художественно воплотил свое представление об условиях благоденствия народа, поэтически обобщенный идеал национальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Бакаев А. М. Берендеево болото: легенды, предания, факты, находки [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dazzle.ru/спец/bboloto.shtml> (дата обращения: 06.05.2018).

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь : в 86 т. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1891. Т. III.

Бурдакова Т. В. Смыслы и образы на пересечении реального, идеального и фантастического в пьесе А. Н. Островского «Снегурочка» // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Русская филология. — 2008. № 4. С. 182–188.

Гаркави А. М. «Снегурочка» Островского как социальная утопия // Уч. зап. Калининград. ун-та. Вып. 4. Филологические науки. — 1969. С. 34–46.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Рус. язык, 1981. Т. 1 : А–З. 699 с.

Леонова Л. М. Литературно-эстетические принципы в драме А. Н. Островского «Снегурочка» [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2001. — Режим доступа: <http://dissertation1.narod.ru/avtoreferats3/b16.htm> (дата обращения: 16.05.2018).

Лотман Л. М. «Снегурочка», «весенняя сказка» А. Н. Островского // Островский А. Н. Снегурочка. — Л. : Библиотека поэта. Малая серия, 1989. С. 7–64.

Маньковский А. В. «Русалка» А. С. Пушкина и «Снегурочка» А. Н. Островского // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. — 2003. № 3. С. 121–126.

Островский А. Н. Полн. соб. соч. : в 14 т. — М. : ГИХЛ, 1952. Т. XII : Статьи о театре. Записки. Речи 1859–1886. 390 с.

Ревякин А. И. Искусство драматургии А. Н. Островского. — М. : Просвещение, 1974. 334 с.

Смирнов М. И. Из этнографических записей по Переславль-Залесскому уезду // Доклады Переславль-Залесского науч.-просветит. общества. — М. : MelanarĖ, 2004. Вып. 11. С. 18–23.

Соловьева В. Берендеево Царство // Литература. — 2000. № 1. С. 8–9.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М. : Прогресс, 1986. Т. I (А–Д). 576 с.

Чернец Л. В. Жанры пьес Островского [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tezaurus.oc3.ru/library.php> (дата обращения: 22.05.18).

Штейн Л. А. Мастер русской драмы. Этюды о творчестве Островского. — М. : Советский писатель, 1973. 432 с.

REFERENCES

- Bakaev A. M. Berendeevo boloto: legendy, predaniya, fakty, nakhodki [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.dazzle.ru/spec/bboloto.shtml> (data obrashcheniya: 06.05.2018).
- Brokgauz F. A., Efron I. A. Entsiklopedicheskiy slovar' : v 86 t. — SPb. : Brokgauz-Efron, 1891. T. III.
- Burdakova T. V. Smysly i obrazy na peresechenii real'nogo, ideal'nogo i fantasticheskogo v p'ese A. N. Ostrovskogo «Snegurochka» // Vestnik Mosk. gos. obl. un-ta. Ser. Russkaya filologiya. — 2008. № 4. S. 182–188.
- Garkavi A. M. «Snegurochka» Ostrovskogo kak sotsial'naya utopiya // Uch. zap. Kaliningrad. un-ta. Vyp. 4. Filologicheskie nauki. — 1969. S. 34–46.
- Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t. — M. : Rus. yazyk, 1981. T. 1 : A–Z. 699 s.
- Leonova L. M. Literaturno-esteticheskie printsipy v drame A. N. Ostrovskogo «Snegurochka» [Elektronnyy resurs] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Samara, 2001. — Rezhim dostupa: <http://dissertation1.narod.ru/avtoreferats3/b16.htm> (data obrashcheniya: 16.05.2018).
- Lotman L. M. «Snegurochka», «vesennyya skazka» A. N. Ostrovskogo // Ostrovskiy A. N. Snegurochka. — L. : Biblioteka poeta. Malaya seriya, 1989. S. 7–64.
- Man'kovskiy A. V. «Rusalka» A. S. Pushkina i «Snegurochka» A. N. Ostrovskogo // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiya. — 2003. № 3. S. 121–126.
- Ostrovskiy A. N. Poln. sob. soch. : v 14 t. — M. : GIKhL, 1952. T. XII : Stat'i o teatre. Zapiski. Rechi 1859–1886. 390 s.
- Revyakin A. I. Iskustvo dramaturgii A. N. Ostrovskogo. — M. : Prosveshchenie, 1974. 334 s.
- Smirnov M. I. Iz etnograficheskikh zapisey po Pereslavl'-Zalesskomu uezdu // Doklady Pereslavl'-Zalesskogo nauch.-prosvetit. obshchestva. — M. : MelanarE, 2004. Vyp. 11. S. 18–23.
- Solov'eva V. Berendeevo Tsarstvo // Literatura. — 2000. № 1. S. 8–9.
- Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka : v 4 t. — M. : Progress, 1986. T. I (A–D). 576 s.
- Chernets L. V. Zhanry p'es Ostrovskogo [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://tezaurus.oc3.ru/library.php> (data obrashcheniya: 22.05.18).
- Shteyn L. A. Master russkoy dramy. Etyudy o tvorchestve Ostrovskogo. — M. : Sovetskii pisatel', 1973. 432 s.